

Пляж Ситири Мухама лежал в стороне от оживлённого центра, так что приличных заведений поблизости почти не водилось. Расспросив портье в гостинице, они по его наводке отыскивали старую, проверенную временем закусочную с окономияки — она примостилась всего в четырёх кварталах от их отеля.

Заведение и впрямь пользовалось успехом: внутри стоял весёлый гул, все столы были заняты. Посреди ужина у Годжо Сатору зазвонил телефон — на экране высветилось имя управляющего Амбэ.

— Амбэ? С чего бы ему вдруг звонить... — недоумённо пробормотал Сатору. Поднявшись из-за стола, он предупредил Накахару Яёи и Гето Сугуру: — Я на минутку, отвечу на звонок. Смотрите, чтобы официанты не утащили мою тарелку!

Сатору отодвинул бамбуковую занавеску-норэн и вышел на улицу. Нажал кнопку ответа:

— Да, Амбэ?

— Добрый вечер, молодой господин Сатору, — раздался в трубке ровный, как всегда спокойный голос управляющего.

Выказав дежурную заботу о здоровье и успехах подопечного, Амбэ лишь спустя минуту перешёл к делу:

— Господин Сатору, я отправил вам сообщение. Пожалуйста, внимательно изучите вложение.

Сатору озадаченно повёл плечом. Не разрывая соединения, он открыл входящие.

Там висело фото исписанного убористым почерком черновика.

— Молодой господин, вам знаком этот почерк? — спросил Амбэ.

Сатору приблизил снимок. Почерк был изящным, стремительным, с едва уловимым нажимом; буквы бежали, перекликаясь и переплетаясь друг с другом аккуратной вязью.

Так писал Яёи. Сатору не раз наблюдал, как тот строчит отчёты в учебном классе, и отлично запомнил эти летящие, воздушные штрихи.

Пробежав глазами первые строчки, Сатору нахмурился:

— Да, это записи Яёи... Но зачем ты мне их шлешь?

Вопрос замер на губах — ответ пришёл сам собой.

Лист был исписан неделю назад. На нём с пугающей педантичностью фиксировался каждый шаг самого Сатору: во сколько проснулся, сколько времени потратил на обед — настоящий отчёт наружного наблюдения, не иначе.

Грудь сдавило, сердце испуганно зачастило.

Расслышав в трубке его прерывистое дыхание, управляющий тактично смолк на полминуты, давая молодому господину прийти в себя.

— Молодой господин Сатору, мы нашли это в комнате господина Накахары, — наконец заговорил Амбэ. — Глава клана, узнав, что вы сблизились, поручил мне навести справки о его прошлом. Я взял на себя смелость обыскать его спальню. Прошу меня простить.

— Я никогда не видел этих бумаг, — сухо выдавил Сатору.

— Всего таких листов сто тридцать два, и на каждом — схожие записи. Господин Накахара хранил их в невзрачной папке на самой верхней полке книжного шкафа.

Сатору прекрасно уловил скрытый подтекст.

Сто тридцать два листа. Значит, Яёи начал собирать на него сведения с первого же дня их знакомства, скрупулёзно фиксируя каждую привычку. И тщательно прятал папки от чужих глаз.

Словно опасаясь, что намёк остался непонятым, Амбэ добавил:

— И то, что мы до сих пор не смогли раскопать ничего о прошлом господина Накахары, крайне подозрительно...

— Накахара — ставленник верхушки, — перебил Сатору. Его голос прозвучал на удивление ровно. — Он внедрился в колледж, чтобы шпионить за мной. Это ты пытаешься сказать?

—... Именно так.

— Я понял.

— Молодой господин, знаю, мои слова могут вас уязвить, но я обязан это произнести, — после долгого колебания добавил Амбэ. — Судя по тому, что мне довелось наблюдать, вы привязались к господину Накахаре куда сильнее, чем он к вам.

Сатору прикусил губу. В трубке повисла тяжёлая тишина.

Он повернулся и сквозь запотевшее, полупрозрачное стекло окна посмотрел внутрь заведения.

Яёи сидел у стола, задумчиво пригубив апельсиновый сок. Его тонкое, бледное лицо тонуло в клубах пара, поднимавшихся от жаровни. Уткнувшись безучастным взглядом в деревянную столешницу, он явно витал где-то далеко, увязнув в собственных мыслях.

За прошедшее время Сатору успел неплохо изучить характер Накахары. Тот лишь с виду казался ходячим ледником — вон, даже заставил соседей по залу испуганно пересесть за другой столик, — но на самом деле ничуть не злился.

Сатору поднёс телефон к уху и глухо бросил:

— Я ещё не доел. Конец связи.

— Слушаюсь, молодой господин. Доброй ночи.

Убрав мобильник, Сатору скользнул обратно за столик. Еда сразу потеряла вкус — кусок в горло не лез. Он безучастно гипнотизировал взглядом шкворчащее на стальном листе окономияки, пока его мысли блуждали в опасных дебрях.

Он принялся методично прокручивать в голове последний месяц, заново взвешивая каждую мелочь в их отношениях с Яёи.

Но ведь сегодня... когда лицо Сатору облепило зелёной пудрой маття, Яёи испугался не на шутку. И этот страх за него был совершенно искренним.

Сатору украдкой бросил взгляд на сидящего напротив юношу, загоняя вглубь души ледяные когти сомнений.

«Пусть закончит ужин. Спрошу его позже».

После ужина они двинулись обратно к гостинице. Путь пролегал через сонный, полутёмный жилой квартал. Вокруг высились безмолвные дома, тишину нарушали лишь стрёкот цикад в придорожной траве да глухой, далёкий рокот прибоя.

На полдороге Сатору внезапно нарушил молчание:

— Яёи. Нам нужно поговорить.

Услышав своё имя, Накахара замер на месте. По затылку пробежал ледяной сквозняк, волосы на шее встали дыбом. Спинай чувствуя чужой взгляд, он так и не обернулся.

Заметив неестественную натянутость, Сугуру попытался разрядить обстановку лёгким смешком:

— О чём секретничаете? Мне послушать нельзя?

Каким бы несносным и капризным ни бывал Сатору, с ним всегда можно было договориться. Но сейчас он даже не взглянул на друга, его лицо оставалось пугающе суровым.

Яёи понял: пора расставить все точки над «i» с этим игровым персонажем. Он незаметно подмигнул Сугуру, давая понять, что тот должен идти вперёд.

Гето редко видел Сатору столь мрачным. Поймав безмолвный сигнал Накахары, он стёр с лица дежурную улыбку.

— Что ж, тогда я пойду в отель.

Сатору не привык копить обиды. Едва Сугуру скрылся из виду, он достал телефон и вывел на экран снимок, присланный Амбэ.

Развернув дисплей к Накахаре, он без обиняков спросил:

— Объяснишь?

Яёи недоумённо скользнул взглядом по экрану.

В ту же секунду его словно током ударило: на снимке красовался его собственный почерк. Тот самый черновик отчёта, который он неделю назад передал Ито Тэрухико.

Ещё позавчера, возвращаясь в свою комнату в общежитии, Яёи почуял неладное.

Тогда он списал всё на разыгравшуюся паранойю, но теперь пазл сложился: ищейки клана Годжо всё-таки проникли к нему в комнату, перевернули всё вверх дном и выудили злосчастную папку с верхней полки.

Яёи сощурился.

Слуги Годжо никогда не решились бы на такое самоуправство без прямого приказа. Но чья это была воля? Самого Сатору? Или нынешнего главы клана? Сатору никогда не упоминал отца — Яёи даже не знал, жив ли тот.

Подозрительный от природы, Яёи мгновенно ошетинился, его взгляд потемнел.

Разум подсказывал: разоблачение не сулит ничего хорошего. Следовало уйти от прямого столкновения, заговорить Сатору зубы, скормить ему складную ложь.

Но где-то глубоко в груди уже klokотала глухая ярость.

Мысль о том, что пока они вместе гуляли по жаркой Малайзии, Сатору за его спиной отдавал приказы обыскать его личные вещи, ранила на удивление больно.

Это предательство застряло в горле костяной щепкой — кололо гортань при каждом вздохе, давило на грудину сухой, ноющей болью, лишая способности мыслить хладнокровно.

Идущие на поводу у эмоций слова сорвались с губ прежде, чем он успел их взвесить:

— Ты приказал перерыть мою комнату?

— Что?! — на лице Сатору отразилось искреннее замешательство. Ошарашенный тем, что подозрение пало на него самого, он сорвался на возмущённый крик: — Да с какой стати! Мне Амбэ только что позвонил и всё вывалил!

Выпалив это, Сатору запоздало нахмурился.

До последней секунды в его душе теплилась глупая надежда на ошибку. Что это недоразумение, что почерк на фото не принадлежит Яёи... Он отчаянно хотел, чтобы и Амбэ, и Яёи оказались ни при чём.

Но бурная реакция парня разом сокрушила эти иллюзии. Этот отчёт действительно написал он.

Мысли Сатору смешались в безумный вихрь.

Яёи пристально вглядывался в его лицо, пытаясь уловить малейший намёк на фальшь. Но Сатору не лгал.

Он действительно ничего не знал об обыске.

От этой мысли напряжение, сковавшее плечи Яёи, бесследно испарилось. На смену обиде пришло странное, щемящее чувство облегчения, граничащее с опустошением.

Холодный рассудок вернулся на своё законное место.

Он решил раскрыть карты. Разговаривать спокойно, без лишнего надрыва.

— Прежде чем вломиться в мои апартаменты, вы ведь наверняка пытались разузнать обо мне хоть что-то, — ровным тоном произнёс Яёи. — И, полагаю, зашли в тупик. Базы данных девственно чисты, потому что один влиятельный человек из верхушки магов полностью стёр моё личное дело.

Он во всём сознался. Сатору лишь крепче сжал губы.

— Управляющий Амбэ наверняка сломал голову. С вашими связями и возможностями раскопать старые адреса или документы из школы — пара пустяков, — продолжал Яёи всё тем же бесстрастным голосом. — Но фокус в том, что я не прихожусь тому чиновнику кровным родственником. До того как перевестись в колледж, я всю жизнь провёл в приюте. Меня усыновили буквально за день до поступления.

Сатору хранил угрюмое молчание.

— Ваши догадки верны. Меня внедрили сюда с одной целью — следить за тобой и докладывать о каждом твоём шаге.

Наконец Сатору поднял голову, и его голос хриплым эхом прорезал ночную тишину:

— Про «Мурасаки»... ты им разболтал?

— Нет. В отчётах только твоя бытовая рутина. Ни единого упоминания о техниках, клане или твоей силе там нет.

Морщинка, прорезавшая лоб Сатору, едва заметно разгладилась.

Куя железо, пока горячо, Яёи вытащил из кармана связку ключей и выделил один — латунный, потемневший от времени. Протянул Сатору:

— Ты вправе мне не верить. Вот ключ от моей комнаты. Можешь пойти и лично перерыть все мои архивы. Ни в черновиках, ни в отправленных отчётах нет ничего, что могло бы вам навредить.

— Как его зовут? — глухо спросил Сатору, не принимая ключа.

Яёи замешкался на долю секунды. Чтобы вернуть утраченное доверие, придётся сдать куратора.

— Ито Тэрухико.

Казалось, Сатору понемногу остывал. Но Яёи не мог расслабиться — оставалось ещё одно уязвимое место.

Сугуру ни в коем случае не должен узнать правду. Если его шкала привязанности обрушится сейчас, до того как откроется третье секретное пасхальное яйцо, все труды пойдут прахом.

Если всё рухнет на финишной прямой, Яёи от отчаяния готов будет связать руки и броситься в реку на пару с Дазаем Осаму.

Яёи робко, словно птица, скользнул взглядом по его лицу и замер, затаив дыхание:

— Пожалуйста... Не говори об этом разговоре Сугуру.

Удар пришёлся под дых. Сатору, только-только начавший оттаивать, почувствовал, как сердце болезненно сжалось.

Он вскинул голову и в упор посмотрел Яёи в глаза.

Юноша смотрел на него с надеждой и несвойственной ему, почти жалкой покорностью — Сатору никогда раньше не видел на его лице такой уязвимости.

—... Вот оно что, — после долгой, удушливой паузы выдавил Сатору, отводя взгляд. — Ты просто боишься, что Сугуру отвернётся от тебя. И так усердно оправдывался передо мной лишь для того, чтобы я держал язык за зубами.

Яёи молчал, не сводя с него глаз. В этих бездонных зелёных омутах, напоминавших два шлифованных изумруда, не отражалось ровным счётом ничего — ни раскаяния, ни страха. Лишь пугающее, мёртвое спокойствие.

Эта невозмутимость ранила Сатору куда больше любых упрёков.

В его голове роились сотни вопросов, но язык словно прирос к гортани. Господи, лучше бы этот парень наорал на него, запустил в него чем-нибудь, только бы не смотрел на него вот так — отрешённо и равнодушно.

Но Сатору не догадывался, что под этой ледяной маской бушевал настоящий шторм — за весь этот бесконечный месяц Яёи ни разу не испытывал столь сокрушительного смятения.

Отвернувшись, Сатору уставился куда-то в темноту. Лицо его окаменело, превратившись в безжизненную маску.

Яёи прекрасно понимал: у Сатору были все основания ненавидеть его. Пусть он и не сливал важные тайны, факт оставался фактом — он проник в колледж как шпион верхушки, как враг.

Но почему... почему от этого холодного, отстранённого взгляда внутри всё так болезненно сжималось? В груди словно ворочался тяжёлый, шершавый валун, мешая сделать хоть один полноценный вдох.

— Нам обоим нужно остыть. В таком состоянии мы ничего не решим, — Яёи опустил ресницы и медленно развернулся к нему спиной. — Ключ у тебя.

Сатору дёрнулся вперёд, пальцы непроизвольно потянулись к его рукаву, желая удержать, остановить... Но рука лишь рассекла пустой воздух. Яёи уже сделал шаг в темноту. Сатору со стиснутыми зубами медленно опустил руку.

Зажав латунную полоску в кулаке до боли в ладони, Сатору развернулся и зашагал в сторону гостиницы.

Яёи же двинулся в противоположную сторону, растворяясь в душном сумраке южной ночи.

На душе было скверно. Весь мир казался уродливым и серым, даже полная луна, зависшая над побережьем, навевала тошноту, напоминая блёклый, засохший корень фулиня.

Он злился. Злился всерьёз, и объектом этой ярости был Сатору.

Переживать из-за кучки пикселей, из-за глупого неигрового персонажа? Это было настолько не в характере Яёи, что собственное бессилие злило его ещё сильнее.

Он скосил глаза в левый верхний угол обзора, ожидая увидеть зловещую системную плашку о падении очков привязанности. Но там было пусто.

Поколебавшись, Яёи мысленно запросил статус:

«Система, шкала привязанности Сатору упала?»

****[Запрос обрабатывается... Проверка уровня симпатии Годжо Сатору]****

****[Текущее значение: 100]****

Шкала замерла на максимуме. Ни единого потерянного очка.

На душе заскребли кошки. Пиная дорожную гальку, Яёи добрёл до кромки прибоя.

Вглядываясь в чернеющую бездну моря, он принял решение: раз уж сон всё равно не шёл, почему бы не прогуляться до скал Онигадзё? До них отсюда около пятнадцати километров по прямой. Дорога ровная, пойдёт вдоль побережья — за три часа неспешного шага он вполне успеет добраться даже в темноте, а там, глядишь, и отыщется очередное пасхальное яйцо.

Возвращаться в отель и сталкиваться нос к носу с Сатору не хотелось до судорог. Не раздумывая больше ни секунды, он зашагал по каменистой тропе прочь.

<http://bllate.org/book/19457/2004635>